

«пособу» выстраивается целый ряд словообразований, более или менее общепринятых в языке («пособить», «посабливать», «посабливанье», «пособление»), тогда как Солженицын исключает из своего словаря все обиходные, устоявшиеся слова и дает только редкие, необычные «пособь», «пособный», «пособицк». «...Этот словарь противоположен обычному нормальному: там отсеивается всё недостаточно употребительное – здесь выделяется именно оно» (Солженицын)» (7, С. 293).

Солженицынский строгий отбор далевских словечек в конечном счете усиливает эффект их художественности, придуманности, поскольку они выделены из массы привычных, употребительных слов и предстают в своей особости как способ расширения языка. «Удельный вес «потенциальных» слов, приведенных — или произведенных — Далем как пример словообразовательной мощи и обилия русского языка — в солженицынском словаре гораздо больше, чем у самого Даля. Но поскольку они «опираются» на Даля, который сам якобы «опирался» на лексику своего времени, они производят впечатление еще более устоявшихся и как бы даже «залежалых», извлеченных из неведомо каких первородных залежей, исконных древних пластов языка. Как это часто бывает в искусстве XX века — у Джойса, Пикассо, Хлебникова, Эйзенштейна и др., — модернизация и архаика, авангард и миф, вымысел и реконструкция шествуют рука об руку» (7, С. 294).

Если Даль — романтик национального духа и языка, то Солженицын сознательно усиливает эту далевскую интуицию. Установка Даля, в соответствии с его профессиональным самосознанием — научная, собирательская, а солженицынский словарь, по замыслу автора, «имеет цель скорее художественную» (7, С. 294). И хотя, солженицынский словарь всего лишь эхо («наголосок») далевского, в нем выдвинуто на первый план не